

Плач по крестнице

Как сегодняшним Божьим дёнечком,
Из-по ранному было по утрышку,
До раннего петунья воспеваньца,
До уныла соловьиного жупляньца,
До ранней зори спорыданьца,
До белого свету расставаньца,
До красна солнца выставаньца!
Я сидела всё, победная головушка,
У своей белой лебедушки,
У милого крестового у дитятка!
Беспокоилась нонь темну всю я ноченьку —
Трудно-тяжело в постелюшке лежала,
Она белы свои рученьки сгибала,
На белую грудь ко мне она бросала,
Сама ласковы слова да говорила:
«Благодарствую, крестова моя матушка,
На всем твоём сердечном я желаньце;
С малых лет взяла на белы меня рученьки,
Ты возростила обидну красну девушку,
Наложила мне-ка цветно это платьце,
Дорогии сарафаны новомодныи,
Кашемировы платочки заграничныи,
На головушку косыночки мне розовы,
Во русу косу мне алые все ленточки,
Во ушеньки сережки бриллиантовы,
На белую грудь цепочку золочёную;
Меня гладила по бладой по головушке,
Учесала всегда желту мою кóсыньку!
Походить стану хоть, белая лебедушка,
На гульбищо я на прокладбищо
Со этыма красныма девушкам,
Все наказывать, крестова моя матушка:
„Ты дороженькой ходи потихошеньку,
На походочку будь все крепливая,
На ричну будь поговóрку чваковитая,

Ты головушку носи-держи поклонную,
Ты поклон держи от старого до малого;
Ты старому держи да ради старости,
Ты малому держи да ради глупости,
Ополúвеку поклон да ради по́хвал!
Да ты так води, белая лебедушка,
Штобы ветрышки про нас не навиялись,
Понапрасну добры люди не набаялись,
Худой славы про тебя не насказали бы,
На мое сердце тоски бы не наздынули!»
Говорила еще белая лебедушка
При последи она поры-времечка,
Наказала мне на память едино слово:
«Как послы меня, крестова моя матушка,
Тосковать будешь по милом своем дитятке,
Ты гляди да на спорядных суседушек,
На моих гляди советных милых подружек;
Привитай к себе на тиху на беседушку!
У меня нонь, у белой лебедушки,
Видно, все прошло-миновалось,
Видно, век мой девоций коротается.
Целых три этих учётных неделюшки
Я лежу да во тяжелой во постелюшке!
Ты не сгруснулась, крестова моя матушка,
Хоть день живешь на трудной на работушке,
Ты осенну, темну ночь да у постелюшки!
Ты выпрашивать, крестова у мня матушка:
„Трудно-тяжело, крестово мое дитятко?
Не радию тебе скороей смерётушки,
Я спрошу, бедна победная головушка,
Куды класть эта любимая покрутушка,
Как што сдиется над белой лебедушкой?
По любви скажи, крестово мне-ка дитятко!"
Не могу сказать, крестова тебе матушка,
Темна ноченька теперь да на исходе ведь,
Ко крылечушку смерётушка подходит!
Ты буди да нонь любимую семеюшку,
Воскликай светов-братцев ты родимых,
Возбуждай моих ветляных ты нештушок,

Уж ты вынь с моей руки да злачён перстень,
Нонька нѣлюба любима мне покрутушка!
Вы простите, вся любимая семеюшка,
Во тяжком меня вы согрешеньице,
Во великом меня непослушаньице,
Ты прости меня, крестова моя матушка;
Со правой руки дарю тие злачён перстень,
Ты держи да по годовым его праздничкам!»
Обстолпилася любима вся семеюшка,
Мы глядили во ясны ей очушки,
Тут смахнула она белы свои ручушки,
Крест полбжила по-писаному;
Подошла да злодей-скорья смерѣтушка,
Она крадци подошла к милу дитятку!
Опустили вдруг мы белую лебедушку,
Ясны очушки у ей да закатились,
Вдруг поблекло ейно белое это личушко,
Кровь-румянец со белá лицá сменилась,
Красота со белá лицá стерялась,
Улетела наша белая лебедушка,
На иное, вековое живленьицо!
Кабы знала, победна, про то ведала,
У крыльца да стоит скорья смерѣтушка,
Я любимой семейки не будила бы,
С простоты дверей я не отворила бы,
Низашто этой злодийки не пустила бы!
Все я думала, победная головушка:
Как востанет вся любимая семеюшка,
Обстолпимся круг тесовой мы кроваточки,
Не допустим этой скорой мы смерѣтушки.
Хоть я рбстила родимо это дитятко,
Я с трех год без желанных родителей
Ублаждала ейну буйную головушку!
Хоть остуду от семьи я принимала,
Тихомолком ей покрутушку справляла:
Уж я ладила ларцы ей окованыи,
Уж я клала ей трубы столочотние,1
Запасала ей дары тонкобелыи,
Я справляла ей пуховую перинушку,

Весь убор да на тесовую кроваточку!
Во почете была белая лебедушка
Все у этой холостыбы да неженатой;
Дивовали все спорядныи суседушки,
Што в почете ходит дочь да все безотняя,
Не обносят ю крестьяна полномочныи,
Хитро-спацлива крестова у ей матушка,
Знать, не спроста ведь покругу покупает,
Видно, с хитростью в гульбища отправляет!
Все я думала печальным своим разумом:
Продержу да я до полного до возраста,
До урёчных девоцьих двадцать годышек —
Пусть покругушкой она да покрасуется,
Поглядит, бедна горюша, налюбуется,
Тут повыберу судиму ей сторонушку,
Я крестьянина в селеньи полномочного;
Не в укор было б любимой семенюшке,
Не в присловье от блада сына отецьского,
Што им взята у меня дочь безотняя,
Не наполнены ларцы окованыи!
Верно, думушки мои все несчастные,
Бесталанна, знать, пуховая перинушка.
Я сберу да на ступисту всё лошадушку,
Я повывезу на чистое на полюшко,
Я придам к огню тесовую кроваточку;
Пусть не ржавие ретливое сердечушко!
Как во нашем во девоцьем зеленом саду
Все посохли нонь сахарны деревиночки,
Все поблёлкли эты розовы цветочки;
Вроде деревца стоят как подсіченки,
Быв шелкóвая трава кем подкошенная;
Изменилася рощица зеленая,
Приклонилася травонька шелковая!
Не поспела моя белая лебедушка
С ростом-возрастом сравнятся,
С родом-с племенем нагулятися!
Сколько розной травы да побывало,
Столько в живности дитё да постывало;
Воспокинуло крестову свою матушку!

Удалилась моя белая лебедушка
За горушки она за высокие,
За облачка она за ходячии,
К красну солнышку девица во беседушку,
К светлу месяцу она — в приберёгушку!

Когда сокрутят покойницу, крестная мать вопит:

Не утай, скажи, косата моя ластушка,
Ты чего, моя косатушка, спугалася,
Вдруг отстала от крестовой ты от матушки?
Знать, того да ты спугалась, моя ластушка,
Што ведь годышки идут нонечь бедовии,
Молоды да пошли людюшки мудрёныи,
Холосты пошли ребята нонь бессовестны!
Наб по уличке ходить да все умнёшенько!
Возгорчилась, знать, косата моя ластушка,
Што нет зимнего тебе да все извозчичка,
Нету летнего тебе да провожателя,
Сберегателей нет вольной твоей волюшки!
Приходить стане Христово Воскресеньице,
Говорить станешь, косата моя ластушка:
«Ты послушай же, крестова моя матушка,
Ты спусти меня, обидну красну девушку,
Ты на тиху на смиренну на беседушку!
Все в собраньице советны мои пóдружки!»
Тут я сгрúснуь на косату тебя ластушку:
«Баловать потти с удалыма со молодцам?
Лучше сядь да под косевчато окошечко,
Ты возьми свое девочье щепетеннице,2
Отвори да край косевчата окошечка,
Воспевай да звон-унылы жалки писенки,
Ты жупи да словно пташка в зеленóm саду!»
Как ходить часто по тихим беседушкам
Бездомовым дочерям да не приходится,
Подивуют того добры людюшки:
Видно, девушка она самовольная,
Без грозы растет, желанного без батюшка,
Нет начала-то желанной у ей матушки!

Буйны ветрышки на нас принавиются,
Понапрасну черны вороны нагряются!
Знать, того ты возгорчилась, моя ластушка,
Што гуляньице было со обидушкой,
Возрастаньице твое — с унываньицем!
Я спесивая крестова была матушка,
На словах была обидная-бросливая,
Обиждала ты обидныма словечушкам!

К суседам:

Я гляжу-смотрю, печальная головушка:
Полна уличка народу-людей добрых,
Цело сборище удалых добрых молодцев,
Цела стая стоит красных там девушек!
Я не знаю же, горюшица, не ведаю,
Во обиды этот день весь коротаю,
Што гульбишечко ль у нас да е прокладбище,
Аль унылая слезлива в доме свадебка,
Красной девушки замужне выдаваньице?
Не дары у нас йдут тонкобелыи
И не поезд-то нонь едет молодецкой;
Не расставлены столы да княжецкии!
Нонь дубовыи мостинки подгибаются,
Дубовыи столы, стоя, шатаются,
На них питьица медвяны проливаются,
Крестова мать с дитём нонь расставается!
Она горькими слезами обливается,
На полу она, горюшица, валяется,
Ю не держат, бедну, резвы теперь ноженьки!
Поглядите-тко, советны милы пóдружки,
Посмотрите вы, удалы добры молодцы!
Тут положена любима ваша пóдружка,
Ейна бладая головушка не убрана,
Не излажены ей розовы цветочки,
Не в любимую покрутушку сокручена!
Далеко красна девица удаляется,
Тонким белым полотном да накрывается,
Белодубовой доской да укрепляется!
Вы вспомните, советны добры пóдружки,

Хоть весной вы спомяните о Христове дни,
Вы во лето спомяните о Петрове дни,
Как пойдете вы во лесушки дремучии,
По славныи Ивански парны винички:
Еще спомните, советны милы по́дружки,
Как пойдете во Петровски красны ягодки,
Где ходили во темных лесах дремучих,
Где вы шуточки, лебедушка, шутили,
Меж ду-другом себя да взвеселяли!
Столько слушайте, удалы добры молодцы!
Как свечи нонь у гроба догораются,
Впереди попы-отцы да отправляются,
Вы возьмите-тко, любимы поровечники,
На белы руки крестово мое дитяtko,
Вы несите по прогульной этой улочке,
По пути этой шíрокой дороженьке,
Вы ко этой Божьей церкви посвященной!
Опускайте-тко во матушку-сыру землю,
Вы на этом тонкобелом полотенечке!
Укатается скачёная жемчужинка,
От меня нонь победной головушки!
Оттошна мне, горюшице, тошнёшенько!
Не на смерть да было дитяtko ведь рожено,
Не на то была покрутушка ей строена!
Кабы знала я про скорую смерётушку,
Я бы тяжкого греха на залучала,
На гульбищечко ю не отправляла,
На бесовский беседы не спущала!
Мы ходили бы во церковь посвященную,
Мы бы ставили свечи да всё рублёвые,
Полагали бы пелены да мы шелковые,
Мы на исповедь в субботу бы ходили
И священное причастье принимали,
Хоть бы добры того люди дивовались,
Што ведь матушка со дитяtkом спасается,
Знать, во тяжких грехах она прощается!
Соберитесь, вся порода родовитая,
Становитесь вы ко гробу ко дубовому!
Приоткроют как ведь бело это личушко,

Накуплю я тут свещей да воску ярого,
По рукам роздам народу-людям добрым.
Хоть по одному поклону положите-тко,
Вы крестово мое дитё помяните-тко!
Тайны милыи советны разговорщички!
Становитесь вы к колоде белодубовой,
Во праву́ руку свечи да воску ярого,
Во леву́ руку по алой вам ведь ленточке,
Я дарю от советной вашей по́дружки,
Я еще дарю по розовой косыночке;
Понизёшеньку девицы поклоняйтесь-ко,
Умильнёшинько подружку поминайте-тко!
Вы прийдите-тко нищии, убогии,
Придите, сироты вы бесприютныи,
Хоть нагии придите, не одетыи,
Я по тонкой дам по рубашечке,
По чулочкам дарю по вязаныим,
По сапоженькам дарю запростейшиим;
Памятуйте-тко крестово мое дитятко!

К попам:

Спаси Господи попов-отцов духовных!
Беспокоились вы шіроку дороженьку;
Мне любым теперь, горюшице, любёшенько:
Я по разуму дитё да хоронила,
По обычаю дитё я спомянула!
Я богатому суседу не корилася,
У маломощного я не доложила,
Я исправила честнбе похороньице;
Я вперед прошу попов-отцев духовных,
Поминайте шесть неделюшек уречных,
Не пожалию золотой казны бессчётной!
Тут ведь всё ей виковично поминаньице,
Тут не спросит больше белая лебедушка
Ни еденьица она, ни питеньица,
Ни по ноженькам башмачиков козловых,
На белы руки вязаночек шелковых,
Не спросит в косу алых она ленточек!

Тут не спросит-то девочья рукодельица,
Не спросит ведь трубы³ да столокотней⁴
Расшивной белой бумаги сто пасомок!
Нонь не наб итти во улички рядовыи,
Заходить да всё во лавочки торговые,
Закупать там товаров разноличних!
Единым разом лебедушка сокручена,
В трои суточки лебедушка отправлена
На вековое она да на живленьицо;
Не видать буде крестовой больше матушке
Милое крестово свое дитятко,
Не на уличке гуляюци широкой,
Не на трудной-то ее на работушке!

1 Куски полотна во сто локтей.

2 Вышшванье на пяльцах.

3 Куска полотна.

4 Во сто локтей.

Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. Т. 1. Санкт-Петербург, "Наука", 1997.